

32 ПОЛОСЫ

Ознакомительная литературно-художественная книжная серия

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЕРИЯ ЯНУАРИЙ

Карнавал

Борис
ВОЛЬФСОН

«НЮАНС»
Таганрог
2012

Борис ВОЛЬФСОН

Карнавал

СТИХИ

«НЮАНС»
Таганрог
2012

ББК 84(2Рос=Рус)7
В 72

Борис Вольфсон
Карнавал
Стихи
«Нюанс», Таганрог. 32 с. – 2012

ISBN 978-5-98517-099-3

Выпуск 134

**Некоммерческая
ознакомительная серия
32 ПОЛОСЫ
выходит с января 2010 г.
при поддержке
издательства «НЮАНС», Таганрог.
Издатель – Кучма Юрий Дмитриевич.
В проекте приняли участие авторы
из Ростова-на-Дону, С.-Петербурга,
Москвы, Одессы, Владимира,
Ставрополя, Кисловодска, Нальчика,
из стран дальнего зарубежья – США,
Германии, Бельгии, Франции,
Великобритании, Австралии.**

Мы живем в мире иллюзий. Мы сами умножаем эти иллюзии, надевая на себя разные карнавальные маски. Быть может, труднее всего в этой жизни обрести свое истинное лицо и оставаться самим собой в самых трудных обстоятельствах. Таким был и на своем примере учил быть других Влад Соколовский, памяти которого я посвящаю эту книгу.

ISBN 978-5-98517-099-3

© Б. Вольфсон, 2012

© И. Огнев-Глайдер: фирменный стиль серии, 2010

Памяти Влада Соколовского

Эту маленькую книжку, в которой представлена часть стихов, написанных мною за два последних года, я посвящаю памяти моего зятя Влада Соколовского. Влад прожил всего сорок лет, но очень много успел сделать. Он был математиком, историком, культурологом, поэтом, переводчиком, эссеистом, изумительным рассказчиком и собеседником и вообще человеком, украшавшим жизнь своим в ней присутствием и создававшим вокруг себя творческое поле необычайной напряженности. Юмор, ирония и самоирония не покидали его до последнего часа. Они были гарантом его мужества.

Говорят, что Господь лучших забирает к себе до срока. Хочется в это верить. Но нам, знавшим и любившим Влада, так его здесь не хватает...

Публикация всего написанного Владом еще ждет своего часа. А эту книгу я предваряю последним стихотворением, которое он написал за три месяца до смерти.

АЗ ДНЕСЬ

*Я здесь навсегда –
в физическом теле иль нет,
Осознанный выбор
Всемирного Дао.
Я – высший порядок,
как законы движенья планет,
Я – солнечный свет
и нерв из алмазного сплава.
Бурленье энергий –
как молний ударом – в мир.
Ни звуков, ни слов –
крысы слышат мою дуду.
Да и рыба не так глупа –
она жертвует рыбий жир –
и сама придет
и ляжет на сковороду.*

*Влад Соколовский
7 мая 2011 г.*

Карнавал

Наверное, все уже было.
Но этот виток не похож
на прежние: гаснут светила,
и в душу вонзается нож.

Он, ткани, как тени, раздвинув,
в колеблемом мареве слез
кромсает сознания глину
ответом на жалкий вопрос.

До встречи, назначенной Боссом,
покуда цела голова,
нам надо бы с этим вопросом
успеть разобраться сперва

и выбрать не маски, а лица,
чтоб каждый легко узнавал,
когда нам прикажут явиться
на главный Его карнавал.

Лагонаки

Короткая пружинка стебелька –
цветок, дрожащий на ветру упруго,
и ветер с гор, вернувшийся по кругу
и хлещущий в лицо.

Он, как река,
несущая сквозь каменные щели
клокочущую лаву талых вод,
не знает зла и душу рвет без цели
и втягивает нас в круговорот
воды, и вихря, и летящей птицы,
и стебельков, дрожащих на ветру...
Я знаю, что когда-нибудь умру,
но лишь затем, чтоб снова воплотиться
в движение, в стремительный поток,
как вихрь, как этот маленький цветок.

* * *

Пунктирными зигзагами поземка
летит над серым зеркалом реки,
сама с собою наперегонки
по набережной мечется и звонко
сечет каштанов стылые стволы.
Река еще не замерла, и снег
еще не лег, означив смену вех,
но осень, оголив свои тылы,
уже готова к сдаче. С черных веток
ретиво рвет пожухлую листву
и, к зимнему готовясь к торжеству,
слепит глаза и нагло свищет ветер.

Такая вот погодка на дворе.
И мы со вздохом говорим: «Ну что же,
все правильно, и на декабрь похоже,
хотя и происходит в январе».

* * *

Ты часть, а целое – безбрежно,
оно системно, неизбежно.
Ты ж частный случай, вариант,
деталь, натертая до блеска,
и все же только арабеска,
причудливый, но тонкий кант.

Влюбиться – значит, зря потратить
твоей души входящий трафик
и мой скудеющий запас.
Кому был должен, отдал дань я
страдания и сострадания
и пропускаю этот пас.

Другой футбол в моей повестке,
совсем иные арабески,
удары, пасы и финты.
Я мастер дриблинга, но нынче
судья, застав в любовном клинче,
нас разделил на Я и ТЫ.

Но целое неразделимо.
И если прежде не смогли мы
постигнуть это, не спеши
речам усталым слепо верить,
моя находка и потеря,
цветной узор моей души.

Нить судьбы

В высоких скалах есть чертог,
где знают все про нас
и подведут судьбы итог,
когда настанет час.

Там ветром времени продут
простор и стынет рань.
Там мойры жизни нить прядут,
но нить – еще не ткань.

Они прядут и видят сны,
поет веретено.
А наши души сплетены
без них давным-давно.

И наши грешные тела
блаженны и близки,
покуда нить еще цела –
до гробовой доски.

Мы между небом и землей
узор выводим свой
сперва изнаночной петлей,
а после – лицевой.

И вьем гнездо, как воробьи,
щебечем на заре,
мы, вышивальщицы любви...
А мойры на горе

пускай прядут и верят снам,
следят в свою трубу
и поставляют нитки нам,
а вовсе не судьбу.

* * *

Когда разбавлена эссенция
и ослабел любви магнит,
как содранные заусенцы,
душа мешает и саднит.

Взлетать, как прежде, не рискует,
хотя под крыльями зола,
лишь о себе самой тоскует –
той, что любила и жила.

Мария

Когда родился на свет мой малыш,
я была тиха и горда.
И в мире стояла такая же тишь,
а в небе горела звезда.

Мой муж, пуповину обрезав ножом,
ребенка запеленал
и смотрел, не меньше, чем я, поражен,
как он беззащитен и мал.

А я, прижимая младенца к груди
и глядя на свет звезды,
хотела постичь, что нас ждет впереди,
и его защитить от беды.

Сгущалась мгла, за стеной мело,
остывала в печи зола.
Я ему отдавала свое тепло.
А что я еще могла?

* * *

*Стареем, милый, стареем,
однако не набираемся ума...*
Паруйр Севак

Стареем, милый мой, однако
не набираемся ума –
наивно ждем от жизни знака,
что, мол, наладится сама,

преподнесет себя в подарок
и никого не отберет,
что будет праздничен и ярк
прощальный бал, и в свой черед

не тени, а живые лица,
касаясь рук и голоса
вернутся к нам сверканьем блица
на миг – на жизнь – на полчаса.

И мы, часов не наблюдая,
поймем, что счастливы сейчас,
пока в последний раз, рыдая,
судьба не разделила нас.

Художник

Я художник запоздалый,
задержавшийся на старте,
засидевшийся на парте
бывший школьник разудалый.

Я на целый мир в обиде.
Боль в висках зудящей дрелью.
Но воздушной акварелью
ты проходишь в юбке миди.

Беглый взгляд на перекрестке:
глаз подтаявшие льдышки,
пальцы, тонкие лодыжки –
карандашные наброски.

Маскировочную сеткой
шелестящие растенья
и теней переплетенья
с бледно-розовой подсветкой.

Это даже не касанье,
лишь намек, мираж – не боле,
взгляд, врачующий от боли,
и тревоги угасанье.

Как спектакль без репетиций,
джаз, стихи с нечетким метром...
Но, подхваченная ветром,
ты взлетаешь вольной птицей.

Чудеса!

Но где же маги?
Их напрасно ждут подмости.
Только легкие наброски
остаются на бумаге.

* * *

Слова забываю,
слога забываю,
по буквам,
как ветер в степи,
завываю
и буквы теряю, –
добуквенный вой
как сваю
в беззвучную ночь забываю,
чтоб выжить
и всем доказать, что живой.

Я с номером этим
добился успеха.
Вам жутко и весело,
мне – не до смеха,
цепляюсь за звук у последней черты.
А буквы, слога и слова,
будто эхо,
ко мне возвращаются из пустоты.

Но как их понять и запомнить?
Едва ли,
на миг залетев из немыслимой дали,
поверят они, что вернулись домой.
Опять ускользнут –
только их и видали, –
вздыхая над музой глухонемой.

Сон

Мой конструктор, кубический сон,
отливающий тусклым металлом,
оплывающий воском, лиловый,
отсыревший, шершавый на ощупь,
паутинистый, пахнущий гнилью,
валерьяною, липким мазутом.

Я тебя не обязан смотреть,
а тем более помнить.
Порезав
о края твои воображенье,
я хотел бы сменить, как пластинку,
сон на сон, но без снов – просто сон,
отдых,
автопилот подсознания
отключить и на горле ослабить
узел галстука – эту удавку,
потолок отодвинуть и стены,
не забыть чемоданы, вскочить
на подножку – и не удержаться,
когда дернет вагон, но, теряя
равновесье, поймать паутинку
сна, запутаться в ней – и взлететь...

Узел, стены, подножка, осколки –
сон мой, легион, кубический сон,
мой конструктор, моя пирамида,
перевернутая вверх ногами...
Архитектор и узник,
проколот
я бетонным твоим острием.

Я здесь

Я все еще здесь,
но почти уже нет –
случайная смесь
бесполезных примет.

Я дымка, мираж,
исчезающий блик.
Я вышел в тираж,
да и он невелик.

Копилка пуста –
ни намеков, ни йот.
Я знаю места,
но и там не клюет.

* * * *

Уныние – грех, а смирение – быт.
Протянем в смирении руки
к огню, на котором вот-вот закипит
похлебка унылой разлуки.

Промозглое утро по стенке стекло,
повисло лохмотьями пакли.
А ветер скулит и швыряет в стекло
тугие и мутные капли.

Ты ложкой пригар соскребаешь со дна,
как с вещи подарочной цену.
Привычка нам свыше на счастье дана,
но счастьем она не замена.

И все жестряпню бесполезную брось:
тягаться с судьбой неуместно.
Нам будет легко и бессмысленно врозь,
а вместе – то жарко, то тесно.

Что ж, видно, унынье нас не допекло
и страсти еще не иссякли.
А ветер бессильно швыряет в стекло
тугие и мутные капли.

.

Текущий момент

В наш век предельных скоростей
и быстротечных новостей
мы вечно отстаем,
стекаем, как вода с сетей,
в привычный водоем.

Что ж, с глаз долой – из сердца вон.
А если слышен слабый звон
мечей или речей,
нам наплевать, откуда он
и, извините, чей.

Пусть в телевизоре опять
грозит тиран, крадется тать,
палач несет мешок...
А в наших душах – тишь да гладь,
болотный запашок.

Да, в наших душах гладь да тишь.
Но вот чего не запретишь,
так это мелких склок,
когда подмочен наш престиж,
а хуже – потолок.

Не знают лучшие умы,
что делать, если, как и мы,
стекает вниз сосед.
Вот от него, как от чумы,
Спасенья, точно, нет!

Гость

Я сказал себе: чувствуй, что ты лишь в гостях,
хотя здесь твой единственный дом
и другого не будет; но все же как гость
постарайся себя вести;

будь скромнее, на жизнь заявляя права,
не выкладывай локти на стол
и, в положенный срок распростившись, уйди,
говоря, что идешь домой.

Антиэнтропийное

Заявляю: не люблю беспорядка.
Мне не нравится, когда сорняками
зарастает помидорная грядка
или лодка налетает на камень.

Ненавижу «где-то», «как бы» и «вроде»,
опоздания, искажения стиля.
Я за то, чтобы в быту и природе
турбулентности совсем запретили.

Век, как водится, крутой и жестокий:
то отроги, то пороги, то мели...
То ли дело в равномерном потоке
плыть спокойно к предназначенной цели.

И не мучиться вопросом «Зачем я?»,
не просить о мятеже и о буре,
а дрейфуя в ламинарном теченьи,
наслаждаться личной струйкой лазури.

Дорогая, мы наметили цель, но
к ней стремимся, не касаясь друг друга.
Наши курсы пролегли параллельно,
и не видно поворотного круга.

Значит, все у нас с тобою в порядке:
быть нам в лузе, коль понравится кию,
а пока – полоть соседние грядки
и посылно уменьшать энтропию.

Антонио Гауди

Природа экономна; создавая
свои творенья, новых форм она
не ищет, изменяя лишь размеры:
лекала те же, но иной масштаб.

Клубятся облака, как клочья ваты.
Зигзаги молний – трещинами в стенке.
А гром – ну, точно бегаёт по крыше,
гремя железом, местный хулиган.

Бог есть любовь. В начале было Слово.
И мы с тобою любим как умеем.
Но наши грозы не расколют небо.
Мы говорим про трещину в стене.

Ну что ж, от быта никуда не деться.
Но бытие могуче прорастает
в растительных и минеральных формах
Фамилия Саграда Гауди.

Мы в отпуске. Мы в двух шагах от Чуда.
Испания готовится к сиесте.
Над всей страной облачное небо –
и, значит, нет причин для мятежа.

Прицеливаюсь телеобъективом.
Но цель не здесь, она неуловима.
И нам не описать ее словами,
как Черную Мадонну Монсеррат.

Дом с трубой

Словно дом пустой, я давно б зачах
оттого, что стоял пустым.
Паутиной зарос бы пустой очаг.
Но труба, из которой дым

не стелился и не стоял столбом,
не ловил гостей, будто сеть,
научилась при ветерке любом
напевать, гудеть и свистеть.

Я плохой певец, никакой поэт.
Мне ль гордиться самим собой?
Если ветра нет, то и песен нет.
Что возьмешь с меня? – Дом с трубой.

Вот когда бы друг мой ко мне зашел,
я б попробовал сам запеть.
Я б разжег очаг, вскипятил котел,
приготовил вино и снедь.

А когда б подруга... О боже мой,
засвистал бы я соловьем
и сказал ей: «Ты просто пришла домой,
где с тобою мы заживем.

Видишь, в окнах моих появился свет,
значит, рано трубить отбой,
потому что я – для тебя поэт,
а не брошенный дом с трубой!..»

Но покуда я сам в себе гощу,
задаю сам себе урок.
И о чем грущу, сам себе свищу...
Хорошо, что есть ветерок!

Memento

На этом фоне все не слишком ценно,
все как-то мелко, пошло, глуповато.
И наши речи – как горох об стену.
Нет, хуже – без отскока, будто в вату.

Земную жизнь пройдя – да хоть докуда,
все думаешь, что это середина.
Нет, знаешь, лучше грязную посуду
не оставлять. Хотя... не все ль едино?

Найдется кто-то: вычтет, подытожит,
за нас проверит школьные тетрадки
и ложечки домоет и разложит.
Хотя, быть может, и не в том порядке.

Плюс один

*Нас мало. Нас, может быть, трое
Донецких, горючих и адских...*
Б. Пастернак

*Что нам впереди предначертано?
Нас мало. Нас, может быть, четверо...*
А. Вознесенский

Нас мало, нас, может быть, пятеро –
горючих, как слёзы и сланцы,
рванувших из адского кратера
на свет, будто пекла посланцы.

Взрываясь, грозя катастрофами,
вселенским скандалом, цунами,
играли с опасными строфами,
не зная, что станет с нами.

Мы славой своей пятиглавою
гордились вполне по-драконьи.
Но днесь остывающей лавою
дымимся на выжженном склоне.

Включить в каталоги и ценники
нас, к счастью, пока не успели.
И вряд ли поймут современники,
какие под нами Помпеи.

А впрочем, деревня, Помпеи ли –
все пепел, и тлен, и тщета.
Сожгли и по ветру развеяли,
и нету уже ни черта.

Мы пьем и ругаемся матерно,
судьбы добивая аванс.
Но помним: нас все-таки пятеро.
Хотя, может быть, и не нас.

Накануне

«Весь мир – театр». Свой текст долбя –
порой влопад, порой некстати, –
я выбрал роль и сам себя
играю, следуя цитате.

Прикидываюсь стариком,
ворчу и жалуясь для вида,
накрывшись белым париком
и симулируя обиду:

мол, свернут руль, пропорот скат,
потерян путь, хоть знал места, да
сменяется полураспад
тоской тотального распада.

От этих квантовых обид
в душе прорехи и уроны,
и глупо лезут из орбит
мои глаза, как электроны.

А пьесы нет – намек, канва.
Вслепую я бреду по роли.
И вечно путаю слова,
как Плейшнер – явки и пароли.

Разломан ветхий реквизит.
Актерский быт сплетён из сплетен.
А за кулисами сквозит,
и молью занавес изъеден.

На сцене шум и суета.
И хоть обрыдло суетиться,
но каждый раз играть с листа
я выхожу без репетиций.

Я к этой роли так привык,
так вжился, так сроднился с нею,
что, кажется, иной язык
уже освоить не сумею.

В моей игре ни страсти нет,
ни денежного интереса, –
одна мечта, что вспыхнет свет –
и ждет меня другая пьеса.

Увы

И смыслу есть существование!
Михаил Бондарев

Понять, в чем смысл его существования,
едва ли сможет тот, кто не уверен
в существовании смысла, в том, что сам он
родился и живет с известной целью.
Кто эту цель наметил? Бог? Природа?
Таинственные инопланетяне?
Зачем мы им? Как кружевная пена,
кипящая на линии прибора,
мы возникаем, чтобы раствориться
в бесцельно набегающих волнах
и вновь возникнуть, но иным узором
в ином наборе капелек воды.

Старая сказка

*И вешней сырости вдохнет –
Сулящей все, чего не будет.*
Дмитрий Быков

Ну почему же, будет все,
как ты мечтал – и не иначе.
И ты об этом, может быть,
однажды горько пожалеешь.

Когда твои мечты, как танк,
расплющат жалкую реальность,
винить других не будет смысла,
у тех – других – свои мечты.

Тебя спасет несовпадение,
случайность, неумелый пас,
когда – вратарская ошибка –
твой мяч заплещется в сетях,

как Золотая Рыбка.

Но

не вздумай попросить корыто.
Поймешь, что все сбылось, и сам
раскаешься, но будет поздно.

* * *

С собой ни в чем не совпадая,
как облака или прибой,
клубясь, вздымаясь, опадая,
я остаюсь самим собой.

Но, обрастая новой кожей,
порой себя не узнаю:
стою чужой и непохожий
у жизни прежней на краю.

Себя собою измеряю
и нахожу, что каждый миг
я изменяюсь и теряю,
а что – пока что не постиг.

Одно лишь знаю, что когда я
иду вразнос и вразнобой,
то лишь с тобою совпадая,
я остаюсь самим собой.

Конец истории

Когда-нибудь, пресытись новизной,
история достигнет верхней точки
и в ней замрет, отменят все отсрочки,
и на Земле наступит рай земной.

Не будет войн, болезней, нищеты,
ненасья и любви неразделенной,
обнимутся друг с другом миллионы,
и, наконец, меня полюбишь ты.

Я ясно вижу – и себе не лгу, –
как в Божьем пазле совпадают части.
Но ты со мной... Увы, в такое счастье
я до конца поверить не могу.

А без тебя неполон мой пасьянс.
Но все срослось, детали не подвинуть.
Ну что ж, придется этот рай покинуть
и все забыть, и повторить сеанс.

* * *

Пишу себе. Но письма не доходят.
С пометкою «Не найден адресат»
они должны б по правилам назад
вернуться, но дорогу не находят,
поскольку на утерянном пути
вернуться означало бы дойти.

* * *

Мы отраженья солнечных лучей,
дрожащие на водной глади блики,
неясно проступающие лики
и шелест волн – взамен пустых речей.

Но в сумерки, когда замрет вода,
запутавшись в листве, утихнет ветер,
мы исчезаем, будто бы на свете
и не было нас вовсе никогда.

Что это – смерть? А может быть, пора
уснуть, забыться, но, смежая веки,
не знать – лишь на ночь или же навеки.
И так, увы, до самого утра,

когда взойдет, рассеяв мглу, светило,
чтоб нас поднять из сна, но не могилы.

Политый поливальщик*

Свет тихо гаснет в кинозале,
где не был я давным-давно.
Но мне приятели сказали,
что не меняется кино.

Проникнуть в этот мир зеркальный
сумели снова мы с тобой.
Там на простынке вертикальной
все та же крутится любовь.

Пусть перепутал кинщик части,
мы не пойдем сдавать билет.
Он целлулоидное счастье
вернет на миг из детских лет.

И я смеюсь, «увидев пальчик»,
и верю вымыслу всерьез,
как этот глупый поливальщик,
не просыхающий от слез.

14 февраля 2012 г.

* «Политый поливальщик» (1895) – первая в мире короткометражная постановочная комедия (49 сек.), снятая братьями Люмьер. В фильме садовник поливает растения из шланга. Мальчик незаметно наступает на шланг, и вода перестаёт течь. Садовник заглядывает в наконечник, мальчик освобождает шланг, и вода ударяет садовнику в лицо. Он роняет шланг и бросается за хулиганом.

Поиски стиля

*Я на пасеке Божьей –
сортировщицей сот...
Нина Огнева*

Я б освоить хотел
нарочитой небрежности метод,
нарушения ритма,
неровный и сбивчивый слог.
Но, язык прикусив от усердья,
скопировать этот
ускользающий стиль,
как чужое дыхание, не смог.

Я дышу через нос –
равномерно, как в детстве учили.
Задыхаюсь – ну, разве, от бега –
и тут же к врачу.
А волнений сердечных
и острого соуса «Чили»,
чтоб не портить желудок и нервы,
и знать не хочу.

Я давно изучил диалектику,
ини и яни
и отверг эту зебру,
мелькание ярких полос.
Жив оттенками серого.
И ни к чему мне сиянье
глаз опасных твоих
и дурманящий запах волос.

Я сумею и так,
ну, хотя бы смогу постараться
эти ритмы понять
и словам провести аудит.
Знай, сверчок, свой шесток:
я не Гамлет, скорее, Гораций, –
и моя голова,
как усердный компьютер, гудит.

Сортировщик, учетчик,
давно усмирив свое эго,
контролируя страсти
и выверив силу огня,
я слова подставляю к словам,
будто кубики Лего.
А Офелия любит.
Но любит, увы, не меня.

Девяносто первый год

А ведь и впрямь была держава:
соображала за троих
и в страхе божием держала
чужих, а более – своих.

Пускай хирела и нищала,
но, охраняя свой режим,
она так много обещала
своим, а более – чужим.

Еще похож на прежний вид, но
спустили флаг, отбой трубя.
Мне за державу не обидно,
куда обидней за себя.

С моей державой связан сам я
был, как крепежный материал.
И, потеряв ее название,
я будто имя потерял.

Ее частичка, винтик малый,
начитанный не по годам,
носил я гордо галстук алый
и бил в веселый барабан.

Я твердо верил, что открыты
мне в жизни тысячи дверей.
Но рак с клешней – не конь с копытом –
сказали мне, что я еврей.

Не схваченный, не осужденный,
я ощутил системный сбой,
от общей жизни отчужденный,
хоть с виду в ней почти что свой.

И вот нежданный тест «на вшивость»:
как пережить распад страны?
Все разом родины лишились
и стали вроде бы равны.

Потом в чеченской перестрелке
и вовсе я попал в запас,
когда перевели все стрелки
на неуживчивый Кавказ.

Но час придет народной массе
точить ножи и топоры.
И мне напомнят: я в запасе
и свой, но только до поры.

Заморский хрен мне слаще редьки,
не любы местные места.
К тому ж мои лихие предки
распяли бедного Христа.

И снова в сумрачной отчизне,
отрезан старою межой,
я не вполне освоюсь в жизни,
не отзовусь на «свой-чужой».

А там, в далекой Палестине,
меня поймут наверняка
и приобщат к своей святыне,
хоть я не знаю языка.

И я, преодолев усталость,
сварганю на иврите стих
и все-таки чужим останусь,
хотя уже среди своих.

И пеплом голову посыпав,
не шелком и не лыком шит,
в страну тотальных недосыпов
я побреду, как Вечный жид.

Визажист

На щеке нарисую ромашку,
на другой – огурец и рюмашку,
а на третьей – но нету ея.
Глазки нет, понимаете ль, третьей,
чтобы в космос с макушки смотреть ей...
То бишь есть, но уже не моя.

Глазку третьей щеке пририсую,
пятой – ручку, и ножку босую,
и слезинку на щечке шестой,
чтоб промыла непарные глазки.
Вы ж, покуда не кончились краски,
полюбуйтесь моей красотой.

Красота – низачем, не для дела,
просто так, чтобы глазка блестела,
и синела, и в небе плыла
легкой лодочкой, праздною тучкой,
и махала нам ножкой и ручкой...
Вот такие, ребята, дела!

* * *

*И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.*
М.Ю. Лермонтов

Блаженны, кто по-детски верит
в бессмертье и в грядущий рай,
когда, земной покинув берег,
душа иной освоит край.

Но, обрубив без проволочки
концы, останется ль она
собой, от тесной оболочки
навек освобождена?

Или, как перец и корица
в кипящем пламенном вине,
душа навеки растворится –
и ни крупиночки на дне?

Я даже в мыслях не перечу,
не допускаю разноречий
с тем, кто надеется на встречу
и воскрешенную любовь.

Пусть в галактическом сияньи,
где пройден времени предел,
свершится новое слиянье
возлюбленных эфирных тел.

Но повторить не сможешь роль ты
и с неба звездочку украсть.
Ее энергий гигаВольты
не воскресят былую страсть.

Там ничего уже не значат
воспоминания твои.
Все будет лучше, но иначе,
как будто не было любви

и этой жизни, этой встречи,
где лампа тусклая горит,
и, как звезда с звездой, под вечер
душа с душою говорит.

Почтальон

Ну зачем нам почтальоны?
Электронное письмо
до друзей, определенно,
доберется и само.

И тотчас на электроны
распадется, как во сне.
Где ж вы, где ж вы, почтальоны
с толстой сумкой на ремне?

С толстой сумкой, с медной бляшкой,
тот, воспетый Маршаком,
почтальон, как день вчерашний,
с нами больше не знаком.

Налегке по горним высям
он летит, грустя подчас,
что, как видно, даже писем
не останется от нас.

Юбилейное

Вселенной было весело, висела
она сама в себе вниз головой:
перекосилась, или окосела,
или учила номер цирковой,

или с утра с размахом отмечала
Большого взрыва полуюбилей –
посуду била, пела и кричала
сама себе: «Вселенная, налей!»

Пересчитав галактики поштучно
и сбившись, начинала вновь считать.
Не то чтоб ей с собою было скучно,
но как-то ж надо вечность скоротать.

А между тем она уже решила,
что дальше расширяться не резон,
что время мыло поменять на шило,
а пи-мезон на анти-пи-мезон,

добавить в уравнения закорючку,
потом ее немного разогнуть
и потихоньку вновь собраться в кучку,
точнее, в точку, чтоб опять рвануть.

Вот это будет праздник настоящий
и повод повисеть башкою вверх,
самой себе устроив взрыв блестящий,
коллапс вселенский, полный фейерверк!

* * * *

Художник пьян, действительность пьяна...

Юнна Мориц

*...станет вашей крови скудной,
чтоб вечный полюс растопить!*

Фёдор Тютчев

Поэт был пьян. Действительность трезва.
У них с поэтом разные ПРИЗВА...

У них с поэтом разные ...НИЯ.
Поэт был пьян, но это был не я.

Действительность действительна, она
разумна, но к искусству холодна.

Поэт замёрз и «греется» с утра,
хотя напрасны все его СТАРА...

Ну да, напрасны все его ...НИЯ.
Зачем же пить? Затем, что он – не я.

Я на слова несдержан и остёр.
И разжигаю яростный костёр.

Действительности я не люблю.
Но все же не сшибаю по рублю.

Совсем иное хобби у меня:
слова поджечь и греться у огня.

Но вечный полюс может быть согрет
лишь свежей кровью, слово не КОНКРЕТ...

Не спичка слово, даже не вино, –
когда б в конце не притаилось ...НО.

И всё же на действительность слова
влияют неприметней, чем дрова.

Действительность пестра, как какаду.
Да жаль, к искусству вовсе РАВНОДУ...

Велосипедист

По внутренней поверхности цилиндра
кружусь, крутя стремительно педали.
Как я сумел попасть сюда – неважно,
существенней, что вырваться нельзя.

Я не имею права на усталость,
не смею и мечтать о передышке.
Ведь если я крутить педали брошу,
то не остановлюсь, а разобьюсь.

И я кручу, кручу, кручу педали,
лечу вперед, по сторонам не глядя.
Внизу арена, зрители и гибель,
а надо мной лишь купол – тоже твердь.

Чуть поднажать – и я к нему приближусь,
и станет ярче свет его софитов.
Но острой кромкой моего цилиндра
безжалостно отрезан путь наверх.

Что ж, упоенье скоростью дороже
и веселей, чем достижение цели.
Покуда силы есть, кручу педали,
а финиш убегает от меня.

* * *

*Есть стихи, которые вполне можно читать,
но ими нельзя жить. От поэзии ждешь
какого-то «последнего усилия»...
Эмиль Сокольский*

Поэзия – последнее усилие,
почти что безнадежная попытка,
из горечи рожденное веселье,
о ржавый гвоздь пропоротая пятка.

И все же лучше, если без насилья –
не то чтоб над другими, над собою.
Поэзия – последнее усилие.
Но не всегда она берется с бою.

Давид, метнувший камень в Голиафа,
в веках остался автором псалмов.
Поэта красят не петля и плаха,
тем более не толщина томов –

лишь вдохновенье, этот трудный гость,
как спица в сердце или в пятке гвоздь.

* * *

Пестрый мячик на резинке –
память детская моя
раскрутилась, раскачалась
на резиновом шнурке.
Конфетти, опилки, блестки,
мишура и кисея,
я б хотел тебя отбросить –
глядь, а ты опять в руке.

Ну зачем, скажите, помнить
платье мамино, и смех,
и румянец во всю щеку,
чтение сказок перед сном?
Жизнь промчалась вскачь, как мячик,
симулируя успех,
будто гол забил в ворота
мой ровесник – старый гном.

Я не жалуясь на память,
я твержу ей: «Не маячь,
и оставь меня в покое,
и во сне не мельтеши».
Слышу, как смеются дети
и подбрасывают мяч –
пестрый мячик на резинке,
горький знак моей души.

Детские воспоминания

В тот день была ненастная погода –
нас в воду не пускали. Голышом
сидели мы на камушке большом.
И было мне тогда четыре года.

Не тронутые знаньем, как цветы
и ангелы, невинные по сути...
Я, помню, попку вымазал в мазуте.
Ее мне пемзой оттирала ты.

Мохнатый шмель гундосил на трубе,
душистый ветерок летел к нам с луга.
И я был рад ответную услугу
по оттиранью оказать тебе.

Мы были так серьезны и тихи,
и так наивны были наши ласки,
но с нежностью твои глядели глазки.
А я еще не сочинял стихи.

Ну а потом, кто парами, кто врозь,
всей группой возвращались мы на дачу.
И, боже мой, подобную удачу
мне больше испытать не довелось.

Прошли года и разлучили нас.
Ах, сколько их сгорело в жаркой топке!
А я порой грущу о нежной попке
в мазуте и о ласке синих глаз.

Человек

О Муза, отпусти мои грехи,
прости долги и излечи невроты
и, защитив от злободневной прозы,
позволь беспечно сочинять стихи

о Ветре и о Солнечном Луче,
о Времени, Вселенной, Человеке,
том самом, что с заглавной буквы «Ч»,
а не бездомном, узнике, калеке,

которых много, но не большинство,
которых жаль, но виноваты сами.
А гордый Человек под Небесами
прекрасен и похож на Божество.

Им можно восхищаться без конца,
любить – сложнее, но разве в этом дело?
Лишь Он достоин кисти, и резца,
и рифмы, вдохновенной и умелой.

Он, как икона, светел и велик,
в себе преодолев все ини-яни,
Он гармоничен, но в Его сияньи
лица не видно – затмевает Лик.

Мне с Совершенством холодно до дрожи.
Чужой в его покоях расписных,
я знаю: мне убогие дороже –
лишь потому, что я один из них...

Фактор неопределенности

Мне б докричаться до таких высот
и достучаться до таких глубин,
где Тот, Кто нас когда-нибудь спасет,
порой остаться пробует один.

Я верю, есть укромный уголок,
где, ненадолго позабыв про нас,
в себе любви лелеет уголек
уоставший от всезнанья Центроспас.

Там бьет в тиши целительный родник,
на миг вскипают всполохи огня.
И все, что происходит в этот миг
со мной, зависит только от меня.

Журчит в ручье забвения вода...
Мне б достучаться, мне б узнать – когда?!

Март

На востоке светлеет,
но покамест слегка.
И томится, и млеет,
просыпаясь, река.

Снег ныряет с разбега,
и на сизой волне
хлопья белого снега,
как ракушки на дне.

Зимней спячки осколки –
льдин плавучий погост.
Шепотки, кривотолки
наплывают на мост.

Я понять эти речи
не смогу наяву.
Сам, как в спячке, навстречу
серым льдинам плыву.

Пусть условно движенье,
вечен мой недолёт –
сам стрела, сам мишень я,
птица, вмёрзшая в лёд.

Но когда моя стая
пролетит по лучу,
я очнусь, я оттаю
и за ней полечу.

Марине

Еще есть время, может быть, немного,
но время есть. Потом его не будет.
И мы начнем спешить и суетиться,
и ничего, конечно же, не сможем
вернуть и наверстать. Но это позже.
Об этом беспокоиться нелепо
сейчас, когда в счастливом заблуждении
мы верим, будто время есть, и нам
дарованы беспечность и свобода
транжирить время, пропускать сквозь пальцы,
швырять на ветер, тратить, не жалея,
на пустяки, догадываясь смутно,
что вовсе не великие свершенья,
а эти пустяки и мелочевка,
прожитые подробно и со вкусом,
и есть, по сути дела, наша жизнь...
Осенний вечер. Ты со мною рядом.
Бубнит о чем-то радио. Компьютер
и стопка непроверенных тетрадок
заброшены. Я вырвался из круга
и осознал, что этот вечер наш,
и время есть, пускай совсем немного,
но все же есть – чтобы любить друг друга,
смотреть в глаза и на двоих дыханье,
не думая о вечности, делить.

Позитивная программа

Юрию Попову

Добавим театральности в рутину:
немного грима, вымысла, игры;
поверим в приключенья Буратино
с наивностью беспечной детворы.

Пусть ветер в соснах, море и цикады
в сознании, закрытом на засов,
возникнут, как забытые цитаты
из юности, из «Алых парусов».

Доверимся вполне актерским вракам
и, отрастив по роли длинный нос,
не Буратино, так де Бержераком
хоть раз себя почувствуем всерьез.

Поймем, что жизнь, когда б не эти враки,
была бы просто репликой пустой,
и уточнив: «А чой-то ты во фраке?», –
исполним, как приказ: «Проснись и пой!».

Ван Гог

Взрыв сверхновой:
«Хризантемы» –
лепестков протуберанцы.

Так рождаются пространства
и свиваются системы
галактических соцветий.

Ветер
резкими мазками
переносит в ткань и камень
запахи иных столетий.

Свет, вернувшийся оттуда,
обеззвучен:
свойство дали.
В ней теряются детали,
частота и амплитуда
искажаются,
из схемы
мироздания
лезут клочья
страхов
тенью осьминога.

Так является воочью
из безумных снов Ван Гога
бритвой,
криком «Где и с кем мы?»
образ мира –
«Хризантемы».

Содержание

<i>Памяти Влада Соколовского (от автора)</i>	3
Карнавал	4
Лагонаки	4
«Пунктирными зигзагами поземка...»	5
«Ты часть, а целое – безбрежно...»	5
Нить судьбы	6
Мария	7
«Стареем, милый мой, однако...»	7
Художник	8
«Слова забываю...»	8
Сон	9
Я здесь	10
«Уныние – грех, а смирение – быт...»	10
Текущий момент	11
Гость	11
Антиэнтропийное	12
Антонио Гауди	12
Дом с трубой	13
Memento	14
Плюс один	14
Накануне	15
Увы	16
Старая сказка	16
«С собой ни в чем не совпадая...»	17
Конец истории	17
«Пишу себе. Но письма не доходят...»	17
«Мы отраженья солнечных лучей...»	18
Полистый поливальщик	18
Поиски стиля	19
Девяносто первый год	20
Визажист	21
«Блаженны, кто по-детски верит...»	22
Почтальон	22
Юбилейное	23
«Поэт был пьян. Действительность трезва...»	24
Велосипедист	25
«Поэзия – последнее усилие...»	25
«Пестрый мячик на резинке...»	26
Детские воспоминания	26
Человек	27
Фактор неопределенности	28
Март	28
Марине	29
Позитивная программа	29
Ван Гог	30

32 ПОЛОСЫ
некоммерческая ознакомительная
литературно-художественная
книжная серия

Борис Вольфсон (РнД)
КАРНАВАЛ
Стихи

Редактор-корректор Наталья Смирнова
Компьютерная вёрстка: Нина Огнева

Редакционная коллегия серии:
Ольга Андреева, Нина Огнева (гл. редактор),
Валерий Рыльцов, Николай Скрёбов, Александр Соболев,
Сергей Суций, Виталий Фёдоров.

В издательстве «НЮАНС»
вы можете заказать
книги любого формата, любого объёма,
от брошюры до солидного тома,
в мягкой обложке или твёрдом переплёте,
выполненных из самых современных
высококачественных материалов.
Тиражи неограниченные.

Контакты

Кучма Юрий Дмитриевич, e-mail: y_kuchma@mail.ru
Огнева Нина Сергеевна, e-mail: ognevans@mail.ru
Тел. в Ростове: (863)2-500-148, 8-904-443-03-06

Подписано в печать 16.07.2012.
, Формат 64x84 1/16. Объём 2,0 усл. печ. л.
Гарнитура Arial
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 100 экз. Зак. 196
Издательство «НЮАНС», Таганрог
Отпечатано в типографии Ю.Д.Кучмы
Адрес: г. Таганрог, Солодухина, 87. тел. в Таганроге:
(8634) 69-00-12 e-mail: y_kuchma@mail.ru

\$ 5.99

Борис Ильич Вольфсон

Поэт, лауреат литературной премии журнала «Ковчег». Член Союза российских писателей.

Автор многочисленных публикаций в бумажных и электронных периодических изданиях, а также книг стихов и миниатюр в прозе и школьных учебников математики.

*...Говорят, что Господь лучших забирает к себе до срока.
Хочется верить...*

*Эту маленькую книжку я посвящаю памяти моего зятя
Влада Соколовского.*